

Читайте в серии
**«Молодежная российская
романтическая проза»:**

«В погоне за счастьем» **Мари Клейн**

«Вкус свободы» **Кейт Вэйл**

«Босиком по асфальту» **Элеонора Фео**

«Шаг навстречу тебе» **Диана Майерс**

«Эскиз нашей любви» **Лина Винчестер**

«Любовь под ритмы рока» **Айли Фриман**

«Созвездие для Шелл» **Тесса Эмирсон**

«Осколки грёз» **Кэролайн Невилл**

«Приручи меня, если сможешь» **Селена Вест**

«Между нами пламя» **Кира Сорока**

«Трещины и гвозди» **Элин Альто**

«Ты мой» **Стейси Савицки**

«Игра на грани фолла» **Джули Дейс**

«Это лишь игра» **Рита Навьер**

Рита Навьер

Это лишь
игра

Freedom

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н15

Иллюстрация на обложке *dead white square*
Художественное оформление *Миланы Корягиной*

Навьер, Рита.

Н15 Это лишь игра / Рита Навьер. — Москва : Эксмо, 2024. — 480 с. — (Young Adult. Молодежная российская романтическая проза).

ISBN 978-5-04-200410-0

Герман

Лена Третьякова — наивная тихоня, которую я прежде никогда не замечал... но затем она осмелилась пойти против всего класса, не побоявшись травли. Хотя я предупреждал ее о последствиях. Меня она считает исчадием ада и свято верит в преданность своих друзей. Я докажу тебе, Лена, что никакой дружбы не существует. Это будет забавная игра.

Лена

Герман Горр надменный и циничный. Это факт. Не понимаю, почему полшколы сходит по нему с ума. Но я знаю, что не могу пройти мимо тех, кого на моих глазах обижают, особенно если зачинщик — Горр. Теперь я мишень для насмешек одноклассников, но почему в глазах Германа я вижу... раскаяние?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-200410-0

© Рита Навьер, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Парни проносятся по залу с грохотом и криками, ошалев от азарта и выбивая друг у друга баскетбольный мяч. Девчонки смотрят на них с восторгом и обожанием. Ну, не на них, а на Германа Горра, конечно. По нему не только наши, а вообще полшколы с ума сходит.

Я сижу чуть в стороне от одноклассниц, но сквозь топот парней слышу их возгласы.

— Ого! Видели, какой у Германа бросок? — подпрыгивает на месте Патрушева, и длинная скамейка под ее весом трясется.

Парни за глаза зовут ее центнером, а наша звезда Герман — просто толстой. Но Патрушева этого не знает и смотрит на Горра, как на божество.

— Бицепсы у него офигенные, да? — обсуждают девчонки. — Подкачанные такие, но без фанатизма. Тату бы на них круто смотрелись. Иероглифы какие-нибудь или тантрические символы...

— Надо ему намекнуть.

— Ему и без татушек классно. Он так загорел красиво! Такой загар только после отдыха на Средиземноморье бывает... — жеманно тянет Ларина.

— А ты прям спец по загарам, — фыркает Михайловская. У них с Лариной вечное соперничество за звание первой красавицы класса.

— Девчонки! Девчонки, слушайте! Про его загар... прикиньте, он у него везде! И там тоже! — возбужденно сообщает Сорокина, главная наша сплетница.

— Ты-то откуда знаешь?

— Анька... как там ее... ну, эта... из 11 «Б»...

— Голощекина, что ли?

— Да! Она! Короче, шла на днях мимо пацанской раздевалки, и кто-то дверь открыл. А она типа случайно увидела...

— Ага, случайно! — ухмыляются наши. — Шею, наверное, вытянула, как жираф.

— Я и говорю — типа. А Герман как раз то ли заходил в душ, то ли, наоборот, выходил оттуда. Вот она и спалила.

— О-о-о! И как? — сразу оживляются все, кроме Патрушевой.

Она снова подпрыгивает, восклицая:

— Вау, вот это обвод! Куроко отдыхает!

— Кстати, кроссы, как у него, — делится Ларина, — полтинник стоят. У моего брата такие же.

Михайловская опять скептически фыркает, но не успевает ничего сказать — нас оглушает вопль Патрушевой.

— С ума сойти! — Она снова в ажиотаже подскакивает и едва не проламывает пол. — Герман чуть не растоптал Жучку!

Девчонки дружно вздрагивают, потом молча переглядываются и закатывают глаза, мол, ну и колхоз. Но в лицо Патрушевой никто ничего не говорит — она и навалить может.

Не то что Илья Жуковский. Это его у нас зовут Жучкой. Он маленького роста, худощавый, безобидный,

Это лишь игра

незаметный. Его шпыняют все кому не лень. Девчонки высмеивают, парни — и того хуже: не только на словах унижают, но и регулярно отрабатывают на нем удары.

Честно, не представляю, как Жуковский выдерживает. Я бы не смогла...

Раньше он был просто Жуком, и никто его особо не доставал. Ни его, ни кого-либо другого. У нас в классе вообще все были сами по себе. Если кто-то и дружил, то только кучками, по двое или трое, как вот мы с Петькой Чернышовым и Соней Шумиловой. Остальные между собой разве что здоровались, да и то не все. Такой вот мы недружный класс.

Но два года назад в нашем классе появился Герман Горр.

Я не знаю, как это у него получилось, но он сплотил всех, причем легко и незаметно, как будто само собой. С тех пор к нему все тянутся, заискивают, липнут.

Только наша троица держится в стороне. Ну и Илья Жуковский, которого Горр сделал изгоем. Не за что-то, не за какой-то косяк, а просто так.

Как-то раз Горр заходил в кабинет, вальяжно так, как хозяин, а Илья в тот момент выходил. Торопился, чтобы до звонка успеть, и едва на Горра не налетел. Тот вовремя отклонился. А из класса кто-то крикнул: «Жук, ты куда так ломанулся?»

Ну Горр и усмехнулся, глядя на Илью свысока: «Да какой это Жук? Жучка».

С тех пор новое прозвище прилепилось намертво.

Я не видела, чтобы Горр когда-нибудь сам травил Жуковского. Он, по-моему, вообще его больше не замечает. Но именно с того случая весь класс измывается над беднягой.

Рита Хаббер

Наверное, только я, Соня и Чернышов не участвуем в этих забавах.

— Вау! Герман забил трехочковый! — орут наши хором.

Я же болею не за Горра, а за Петьку Чернышова и его команду, хотя их сокрушительно обыгрывают.

А если совсем честно, то на баскетбол мне плевать. Но учитель физкультуры, он же по совместительству наш классный руководитель, на нем повернут, поэтому парни почти всегда играют, а мы сидим вдоль стенки как зрители на трибунах. Лишь изредка он устраивает нам сдачу нормативов.

Мне, в общем-то, без разницы — из-за проблем со здоровьем от занятий я все равно освобождена, и оценки по физкультуре мне ставят за рефераты. Однако все-таки подозреваю, что помимо баскетбола на уроках должно быть что-то еще. Но зачем что-то менять, если всех все устраивает?

Пронзительный свист физрука заставляет парней остановиться. Раскрасневшиеся и взмокшие, они выжидающе смотрят на Дениса Викторовича, пока тот вразвалочку подходит к Илье Жуковскому.

— Пробежка! Тебе дали пас, а ты куда с мячом поперся, дебил? Что ты в него вцепился, как собака в кость?

— Ну так он же Жучка, — вставляет клоун Гаврилов, и парни хором ржут как кони.

Только мой Петька хмурится. Ну и Горр тоже не смеется, но лишь потому, что его такие глупости не смешат.

Я вообще не припомню, чтобы он хоть раз смеялся. Ухмылялся — да, усмеялся — сколько угодно, но нормальной искренней улыбки я у него не видела. Не говоря уж про смех.

— Жуковский, але! Для кого я в прошлый раз показывал? Сам. Для тебя. Персонально. Показывал. Как. Надо, — чеканит Денис Викторович и на каждом слове тычет пальцем Илье в грудь. Тот испуганно пятится, морщась от толчков, но физрук и не думает останавливаться. — Что ты мне тут глазами хлопаешь? Что скукожился? Как еще до твоей тупой башки донести, что так делать не надо! В какой раз ты уже подводишь свою команду и портишь игру?

Жуковский что-то отвечает, но так тихо, что я ни звука не слышу со своего места. Зато физрук еще больше заводится. Забирает у Решетникова баскетбольный мяч и вдруг кидает в Илью. Тот успевает закрыться руками, но физрук снова велит парням подать ему мяч.

— Какого черта ты закрываешься, сопляк? Я тебе пасую! Принимай как положено, ты, калека безрукая!

Денис Викторович снова делает резкий бросок, но, честное слово, со стороны это больше похоже на попытку прибить. Однако Илья уже ждет удар и уворачивается, но физрук только сильнее расходится.

— Принимай, я сказал! Что ты задом крутишь? Заплачь еще здесь! Иди вон с девочками посиди тогда... — И снова лупит мячом по бедному Жуковскому.

Парни покатываются от хохота, наблюдая за жестоким представлением. Девчонки тоже хихикают. А мне аж нехорошо.

По правде говоря, наш физрук и раньше вел себя как гопник из подворотни. Нас, девчонок, особо не обижал, но с парнями не церемонился. Мог запросто ругнуться матом, если у кого-то что-то не получалось, а то и отвесить подзатыльник или даже дать пинка. А беднягу Жуковского он гонял всегда, просто потому что с физрой у него с самого начала не задалось. Да и некоторым другим от него влетало. Но сейчас Денис Викторович переплюнул сам себя. Вот так унижать, издеваться прямо на уроке... еще и мячом колотить — такого он себе прежде не позволял. Я в ужасе.

Снова тяжелый удар. На этот раз физрук попадает Жуковскому по коленям, и тот падает как подкошен-

ный. Наши раздражаются хохотом, и по спортзалу прокатывается гулкое эхо.

Петька Чернышов бросает на меня растерянный взгляд. Он тоже, как и я, в шоке от происходящего. И тоже как будто не знает, что делать.

И только Горр, заложив руки в карманы темно-серых спортивных штанов, взирает на эту жуткую сцену с холодным безразличием и скукой.

— Что здесь происходит? — раздается вдруг чей-то голос. Чужой и звонкий.

Все тотчас оборачиваются на звук, и смех стихает.

В дверях стоит незнакомая женщина с ярко-рыжими волосами, миниатюрная, молодая, лет... двадцати пяти, может. Плюс-минус. Она смотрит на физрука со смесью ужаса и возмущения.

Денис Викторович в первый момент теряется, это даже в глаза бросается. Однако его быдловатая натура берет свое. Он вздергивает квадратную бульдожьё челюсть и отвечает ей так, будто не произносит слова, а выплевывает их:

— Здесь у одиннадцатого «А» урок физкультуры. А вы, собственно, кто такая? И что здесь забыли?

Но наглый тон на женщину не действует. Хотя, может, и действует, но не так, как он рассчитывает.

Она заметно краснеет, но упрямо говорит:

— А я вижу вопиющее издевательство над учеником. Будьте уверены, я этого так не оставлю. Я сейчас же пойду к директору и обо всем ему доложу.

С самым решительным видом она разворачивается и уходит.

— Да пожалуйста! — кричит ей вслед Денис Викторович, но он явно злится.

Рита Хаббер

Ведь если эта женщина и впрямь на него нажалуется, то по головке его не погладят. Даже мы это понимаем. И все молчим в полной растерянности. А Илья Жуковский съезживается еще больше, втягивая голову в плечи, будто боится, что физрук обвинит его и в этом. А потом еще больше накажет.

Скучающий взгляд Германа на миг останавливается на Илье и становится презрительным. Тоже только на миг. А затем Горр, не спрашивая разрешения, спокойно идет на выход.

Денис Викторович, повернувшись, смотрит ему в спину и раскрывает рот, будто хочет его окликнуть, но почему-то молчит, словно колеблется. Да и смотрит как-то не очень уверенно.

Так и не окликнув Горра, он раздраженно бросает нам:

— Все, скоро звонок. Свободны.

Вообще до звонка времени еще порядком, но мы молча покидаем спортзал.

До конца урока мы сидим в женской раздевалке, чтобы случайно не попасться на глаза директорисе или, что еще хуже, Бурунову, ее заму. Иначе всем прилетит: и нам, и физируку.

— Как думаете, девчонки, Дэну что-нибудь будет? — спрашивает Михайловская.

Так наши за глаза называют Дениса Викторовича. Хотя не совсем за глаза, ведь он прекрасно об этом знает и ничуть не против такого панибратства. Он, конечно, очень молод, но все-таки учитель, а общается с нами на равных. С парнями здоровается за руку, курит с ними за школой, девчонкам при встрече подмигивает. Нашим красоткам Лариной и Михайловской частенько показывает большой палец. Своего рода комплимент. В беседе класса тоже может такое отмотить, что волосы дыбом.

В родительском чате Денис Викторович, конечно, держался в рамках приличия, но его это быстро утомило, и он просто оттуда вышел. Теперь, если надо что-то сообщить родителям, пишет в нашу беседу: «Передайте предкам...»

Вот такой он у нас — простой, как три копейки, демократичный, немного хамоватый. Ничуть не похож на нашу прежнюю классную (она уволилась год назад), да

и вообще на остальных учителей. Но наши в нем души не чают, особенно парни. Даже мой Петька.

Ну, разве что Илья Жуковский исключение. Но кто его спрашивает?

— Если эта баба реально на него наступит, то Дэну может конкретно влететь, — с серьезным видом делает вывод Агеева.

Мать у нее работает секретарем в департаменте образования, поэтому девчонки ей верят. Вот и сейчас, сидя на скамейках, наклоняются вперед, чтобы не пропустить ни одного ее слова. А она со знанием дела продолжает:

— Но тоже смотря как наступит. Одно дело — если просто директрисе нажалуется, и совсем другое — если подаст докладную. Так что все может быть: от выговора до увольнения. А если Жучку, ну или там его мать, надоумят накатать заявление в прокуратуру, снять побои, то нашему Дэнчику вообще невесело придется.

— Да какие там побои? — фыркает Патрушева. — Подумаешь, прилетело раз мячиком.

— Да любые синяки, если они есть, будут считаться побоями. А они сто пудов у него есть. Даже у меня есть. И фиг знает, откуда все берется. Вон, смотри, — Агеева задирает до локтя рукав блузки, демонстрируя коричневый синяк. — На ногах еще больше... А Жучка вон как сегодня завалился. И пока играли, его там пацаны и толкали, и пинали. Герман вообще его снес. А вместе со словами той тетки Дэн потом замучается доказывать, что это не он Жучку бил.

— А кто она такая, кстати? И чего к нам приперлась?

Это лишь игра

— Да черт ее знает. Первый раз вижу.

— Вот же овца рыжая, — цедит Михайловская, а затем передразнивает противным голосом: — Я этого так не оставлю! Я сейчас же побегу на вас стучать...

Девчонки вяло прыскают и снова начинают возмущаться.

— Блин, жалко будет, если Дэна уволят. Единственный нормальный учитель на всю школу.

— А если до прокуратуры дойдет, что, и посадить могут?

Агеева, вздохнув, пожимает плечами.

— Капец! Из-за этого недоделанного у человека может быть столько проблем... — возмущенно бубнит Патрушева.

— Ну вообще-то, — не выдерживаю я, — Дэн сегодня перегнул палку. Он учитель и не имел права оскорблять, и...

— Начинается... — скривившись, тянет Михайловская. — Давно мы не слышали Жучкину защитницу.

— Ничего не начинается. Просто подумай, поставь себя на его место: тебе бы понравилось, если бы тебя так унижали? При всех?

— Жучка сам виноват, — равнодушно ведет плечом Михайловская.

— В чем? В том, что взрослый и здоровый мужик над ним издевался?

— Да кто над ним издевался? — хором возмущаются девчонки. — Кто виноват в том, что Жучка даже мяч принять не в состоянии?

— Кто виноват, — подхватывает Патрушева, — что он такой никчемный?